

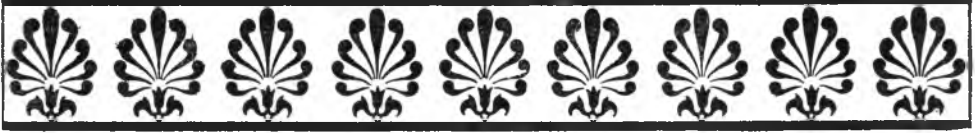
ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

РЕПОЗИТОРИЙ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева

Под ред. А. И. Доватура

Примечания С. П. Кондратьева

Перевод стихов Ф. А. Петровского.

XXV. Требеллий Поллион

БОЖЕСТВЕННЫЙ КЛАВДИЙ

I. (1) Мы дошли до государя Клавдия, чью жизнь мы, учитывая желание Констанция Цезаря, должны тщательно описать. Отказаться писать о нем я не мог уже потому, что о других, скороспелых, императорах и царьках я написал в выпущенной мною книге о тридцати тиранах, в которой содержится сейчас упоминание о потомках Клеопатры и Виктории, (2) — раз уж дело дошло до того, что сравнение с Галлиеном привело к необходимости дать описание жизни этих женщин. (3) И непозволительно было бы умолчать о том государе, который оставил такое многочисленное потомство, который доблестно окончил войну с готами, который как победитель положил конец общественным бедствиям, который на благо человеческому роду, хотя и не по собственной почину, но сам как будущий император удалил от кормила государственного правления чудовищного императора Галлиена; если бы он мог дольше пробыть в этом государстве, то вернул бы нам благодаря своим доблестям, своей рассудительности, своей предусмотрительности Сципионов, Камиллов и всех прочих древних героев.

II. (1) Его правление — я не могу отрицать это — было кратковременным, но оно было бы кратковременным и в том случае, если бы этот великий муж мог властвовать столько времени, насколько могло бы хватить человеческой жизни. (2) Есть ли в нем что-нибудь, что не вызывало бы удивления, что не являлось бы замечательным, в чем он не превосходил бы древнейших триумфаторов? (3) В нем — доблесть Траяна, благочестие Антоина, умеренность Августа, все добрые качества великих государей соединялись таким образом, что ему не было надобности брать пример с других, но, если бы не было перечисленных государей, он сам оставил бы пример для других. (4) Ученейшие из астрологов считают, что человеку дано прожить сто двадцать лет, и утверждают, что никому не уделено больше, добавляя при этом, что один только Моисей, близкий богу, как говорят книги иудеев, прожил сто двадцать пять лет; когда он жаловался на то, что умирает молодым, ему, говорят, был дан неведомым божеством ответ, что никто не будет жить дольше. (5) Поэтому, если бы Клавдий прожил даже сто двадцать пять лет, — его поразительная и удивительная жизнь учит, что даже неизбежная смерть его была бы неожиданной, как говорит Туллий о Сципионе (за Милона). (6) Чем только не был велик этот великий муж в своей общественной и домашней жизни? Он любил родителей, — что в этом удивительного? Но он любил

и братьев, — это уже может считаться достойным изумления. Он любил своих близких, — в наши времена это можно приравнять к чуду; он никому не завидовал, последовал дурных. Судьям - вора́м он выносил приговоры явно и открыто; к глухцам относился снисходительно, смотря на них как бы сквозь пальцы. (7) Он дал превосходные законы. (8) Управляя государством, он был таким, что его потомков выдающиеся государи выбирали в императоры, а сенат, если только он был хорош, желал их.

III. (1) Возможно, кто-нибудь подумает, что я говорю это, чтобы угодить Констанцию Цезарю, но и твоя совесть и моя жизнь являются свидетелями того, что я никогда ничего не думал, не говорил, не делал ради угождения. (2) Я говорю о государе Клавдии, чей образ жизни, порядочность и вся государственная деятельность принесли ему такую славу у потомков, что римский сенат и народ оказали ему после его смерти небывалые почести. (3) В его память, по единодушному решению сената, в римской курии был помещен золотой щит (clupeus) или, как говорят грамматикки, — clupeus; так что еще и сейчас можно видеть его рельефный погрудный портрет. (4) В его память, чего раньше ни для кого не делалось, римский народ на свой счет поставил на Капитолии перед храмом Юпитера всеблагого и величайшего статую в десять футов. (5) В его память, по решению всего мира, у ростр была воздвигнута колонна, украшенная пальмовыми ветвями, а на ней водружена статуя из серебра в тысячу пятьсот фунтов. (6) Он, как бы памятуя о будущем, расширил владения Флавиев, принадлежавшие Веспасиану и Титу (я не хочу, однако, говорить — Домициану). Он в короткое время закончил войну с готами (7.) Значит, льстит сенат, льстит римский народ, льстят иномынные племена, льстят провинции, если даже все сословия, люди всех возрастов, все города почтили хорошего государя статуями, знаменами, венками, святилищами, арками (алтарями и храмами).

IV. (1) Важно для тех, кто подражает хорошим государям, и для всего населенного людьми мира, узнать, какие постановления сената были вынесены относительно этого замечательного человека, — чтобы все знали суд общественного мнения. (2) Когда за восемь дней до апрельских календ было объявлено в самом святилище Матери, в день крови¹, что Клавдий стал императором, а сенат не мог собраться из-за того, что совершались священнодействия, присутствовавшие, надев тоги, пошли в храм Аполлона, и — по прочтении письма государя Клавдия — о Клавдии было сказано: (3) «Клавдий Август, да покровительствуют тебе боги!», — сказано шестьдесят раз. «Клавдий Август, мы всегда желали иметь государем тебя или такого человека, как ты!», — сказано сорок раз. «Клавдий Август, в тебе нуждается государство!» — сказано сорок раз. «Клавдий Август, ты брат, ты отец, ты друг, ты хороший сенатор, ты подлинно государь!», — сказано восемьдесят раз. (4) «Клавдий Август, охрани нас от Авреола!», — сказано пять раз. «Клавдий Август, охрани нас от пальмирцев!», — сказано пять раз. «Клавдий Август, освободи нас от Зенобии и Витрувии!», — сказано семь раз. «Клавдий Август, Тетрик ничего не сделал!», — сказано семь раз.

V. (1) Став императором, он прежде всего после столкновения с Авреолом, который — ввиду того, что он был очень угоден Галлиену — был в тягость государству, удалил его от кормила правления и, послав народу эдикт, а сенату — свое обращение, объявил Авреола тираном. (2) К тому же серьезный и грозный император не внял просьбе Авреола, предлагавшего заключить договор, и отверг ее, дав такой ответ: «Этого надо было просить у Галлиена; тот, чьи нравы соответствовали твоим, мог бы и побояться тебя!». (3) Наконец, Авреол, по решению своих воинов, получил в Медиолане конец, достойный его жизни и нравов. Однако и его некоторые историки пытались хвалить, притом смехотворным образом. (4) Так, Галл Антипатр, прислужник важных лиц и позор для историков, начал об Авреоле таким образом: «Мы дошли до императора, оправдывающего свое имя». (5) Нечего сказать, великое достоинство — получить имя, происходящее от названия золота. Среди гладиаторов, я знаю, такое имя

¹ 20—21 марта.

часто дается хорошим бойцам. В последний раз и в твоей программе имелось это имя в списке участников игр.

VI. (1) Но вернемся к Клавдию. Как мы сказали выше ², те готы, которые ушли от преследовавшего их Марциана и которых Клавдий не позволил выпустить, чтобы не произошло то, что действительно случилось, подняли все свои племена, соблазнив их надеждой на большую добычу от римлян. (2) Затем различные скифские народности — невки, грунги, австроготы, тервинги, визы, гипеды, а также кельты и эрулы, — охваченные жаждой добычи, вторглись в римскую землю и произвели там большие опустошения, пока Клавдий был занят другими делами и по-императорски готовился к войне, которую он и закончил, для того чтобы было ясно, что роковые бедствия Рима затягиваются, если хороший государь слишком занят, (3) но я думаю — для того, чтобы слава Клавдия возросла и его победа приобрела большую славу во всем мире. (4) Ведь число вооруженных в этих племенах доходило тогда до трехсот двадцати тысяч. (5) Пусть те, кто обвиняет нас в лести, скажут, что Клавдий заслуживает меньшей любви. Триста двадцать тысяч вооруженных! У какого Ксеркса было их столько? В какой сказке выдуманно это число? Какой поэт сочинил его? Было триста двадцать тысяч вооруженных! (6) Прибавь к этому рабов, прибавь домохозяев, прибавь обоз, прибавь то, что реки были выпиты, леса уничтожены, что сама земля, наконец, страдала, приняв на себя такую массу варваров.

VII. (1) Имеется его письмо, посланное сенату для прочтения народу, в котором он указывает количество варваров. Оно таково: (2) «Римскому сенату и народу государь Клавдий (говорят, что это письмо он сам продиктовал, — слова того, кто занимал при нем должность обслуживающего память, мне не нужны). (3) Отцы сенаторы, с удивлением выслушайте то, что истинно. Триста двадцать тысяч вооруженных варваров вступило на римскую землю. Если я одержу победу над ними, воздайте мне по заслугам. Если же я не одержу победы, то знайте, что я хочу вести войну после Галлиена. (4) Все наше государство изнурено: мы бьемся после Валериана, после Ингенуя, после Региллиана, после Лоллиана, после Постума, после Цельза, после тысячи других, которые — вследствие того, что император Галлиен внушал к себе презрение — отложились от нашего государства. (5) У нас нет уже ни щитов, ни палашей, ни копий. Галлии и Испании — источник силы нашего государства — держит в своей власти Тетрик; всеми стрелками — стыдно сказать — владеет Зенобия. Что бы мы ни сделали — все будет достаточно великим». (6) Однако Клавдий, благодаря своей природной доблести, победил этих врагов; в короткое время он стер их в порошок и лишь несколькими из них позволил вернуться в родную землю. Я спрашиваю: большой ли наградой за столь великую победу является щит в курии? Большой ли наградой является одна золотая статуя? (7) Энний говорит о Сципионе: «Какую статую сделает римский народ, какую колонну, которая способна рассказать о твоих деяниях?». (8) Мы можем сказать, что славу Флавия Клавдия, единственного на земле государя, поддерживают не колонны, не статуи, а сила общественного мнения.

VIII. (1) Сверх того, варвары имели две тысячи судов, то есть двойное число сравнительно с тем, с каким также некогда вся Греция и вся Фессалия пытались завоевать города Азии. Но то — выдумка поэтического стиля, а это относится к истинной истории. (2) Итак, мы, писатели, льстим Клавдию, который уничтожил две тысячи варварских судов и истребил, разгромил, стер в порошок триста двадцать тысяч вооруженных; частью предал огню, частью — со всеми их домохозяевами — отдал в рабство римлянам тот огромный обоз, какой такая масса вооруженных могла заготовить себе и оборудовать (3) — как мы узнаем из его же письма, написанного Юнию Брокху, защищавшему Иллирик: (4) «Клавдий Брокху. Мы уничтожили триста двадцать тысяч готов, потопили две тысячи судов. (5) Реки покрыты их щитами, все берега завалены их палашами и короткими копьями. Не видно полей, скрытых под их костями, нет проезжего пути, покинут огромный обоз. (6) Мы захватили в плен такое количество женщин, что каждый воин-победитель может взять себе по две и три женщины.

² XXIII, 13, 9—10.

IX. (1) О если бы государству не пришлось претерпеть Галлиена! О если бы не пришлось вынести на себе шестьсот тиранов! Если бы остались целыми войны, которых унесли у нас разные сражения, если бы остались целыми легионы, которые Галлиен, горе-победитель, предал смерти, какое было бы прибавление у государства, (2)—если еще и теперь нашим старанием собрано для спасения Римского государства то, что осталось после крушения государственного корабля». (3) Ведь бились в Мёзии, было много битв у Марцианополя. (4) Многие погибли во время кораблекрушения, большинство царей было взято в плен, были взяты в плен знатные женщины различных племен, римские провинции были наводнены рабами-варварами и скифскими земледельцами. Гот стал поселенцем пограничной линии с варварами. (5) Не было ни одной области, которая не имела бы раба-гота, попавшего в рабство после этого триумфа. (6) Какое множество варварских быков увидели наши предки! Какое множество овец! Какое множество кельтских кобылиц, прославляемых молвой! Все это надо целиком отнести к славе Клавдия. Клавдий даровал государству и безопасность и изобилие богатств. (7) Кроме того, бились у Византии, причем храбро действовали сами уцелевшие византийцы. (8) Бились и у Фессалоники, которая в отсутствие Клавдия была осаждена варварами. (9) Бились в разных областях, и ведае — под верховным командованием Клавдия — над готами были одержаны победы, так что уже тогда было ясно, что Клавдий устанавливает спокойную жизнь в государстве для своего будущего внука Констанция Цезаря.

X. (1) Мне, кстати, приходит на ум, что надо сообщить предсказание, данное ему, как передают, в Коммагенах, чтобы все поняли, что роду Клавдиев было суждено свыше принести счастье государству. (2) Когда он, став императором, вопрошал о том, как долго он будет императором, ему выпал такой жребий:

(3) Ты, что правишь теперь страну отчей
И над миром царишь, богов посредник,
Молодежью ты старших одолеешь,
Ибо будут царить твои потомки
И царей создадут своих потомки.

(4) Также, когда он вопрошал о себе в Апеннине, он получил ответ такого рода:

«Третье увидит его царящим в Лации лето»³.

(5) Также — на вопрос о своих потомках:

«Им ни власти границ, ни пределов в веках я не ставлю»⁴.

(6) Также — на вопрос о своем брате Квинтилле, которого он хотел иметь соправителем, он получил ответ:

«Судьбы его земле покажут только»⁵.

(7) Все это я поместил сюда для того, чтобы всем было ясно, что Константин, муж божественного происхождения, безупречнейший Цезарь, и сам происходит из августейшей семьи и после себя даст многих Августов, — да пребудут во здравии Диоклетиан и Максимиан Августы и его брат Галерий.

XI. (1) В то время как божественный Клавдий был занят всем этим, пальмирцы под предводительством Сабы и Тимагена начинают войну против египтян, но терпят поражение вследствие упорства и неумимости египтян в бою. (2) Однако египетский полководец Пробат был умерщвлен вследствие козней Тимагена. Все египтяне отда-

³ Verg., Aen., I, 265.

⁴ Verg., Aen., I, 278.

⁵ Verg., Aen., VI, 869.

лись под власть римского императора и присягнули отсутствовавшему Клавдию. (3) В консульств Агтициана и Орфита ⁶ божественное покровительство помогло начинаниям Клавдия: множество уцелевших варварских племен устремилось в Гемимонт и там так сильно страдало от голода и моровой язвы, что Клавдий считал уже недостойным победить их. (4) Наконец была окончена эта тягчайшая война, и римская мощь освободилась от опасений. (5) Моя добросовестность заставляет меня говорить правду, и пусть в то же время те, кто желает считать нас льстецами, знают, что я не умалчиваю о тех подробностях, сообщения которых требует история: (6) в то время, когда уже была достигнута победа, большинство воинов Клавдия, опьяненные успехами, которые иногда смущают даже души мудрых людей, набросились на добычу, не думая о том, что даже очень небольшое количество врагов может обратить их в бегство, раз они душой и телом предаются похищению добычи. (7) Словом, во время самой победы почти две тысячи воинов были пресбиты небольшим количеством варваров, — теми самыми, которые бежали. (8) Когда об этом узнал Клавдий, он, стянув свое войско, схватил всех тех, кто проявил непокорный дух, и отправил их в Рим в оковах, предназначая их для общественных игр. Итак, то, что было сделано либо судьбой, либо воинами, было прекращено благодаря доблести хорошего государя. И не только победа над врагом, но и наказание оказались предусмотренными. (9) В этой войне, которую вел Клавдий, необыкновенную доблесть проявили далматские всадники, потому что думали, что Клавдий происходит из этой провинции, хотя другие говорили, что он — дарданец и ведет свой род от родоначальника троянцев Ила и от самого Дардана.

XII. (1) В это время скифы побывали и на Крите и пытались опустошить Кипр, но были побеждены повсюду, так как их войско страдало от болезней и голода. (2) После окончания Готской войны стала распространяться очень тяжелая болезнь; тогда и Клавдий, сраженный болезнью, покинул смертных и устремился на небо, столь близкое ему в силу его доблестей. (3) После его переселения к богам и светилам его брат Квинтилл, человек безупречный и, чтобы сказать правду, подлинный брат своего брата, принял императорскую власть, врученную ему всеобщим решением — не по праву наследования, а потому, что он заслужил ее своими доблестями; он стал бы императором, даже если бы не был братом государя Клавдия. (4) В это время уцелевшие варвары попытались опустошить Анхиал и даже захватить Никополь. Но благодаря доблести провинциалов, они были уничтожены. (5) Квинтилл же за краткостью времени не мог совершить ничего достойного императорской власти, так как на семнадцатый день своего правления — ввиду того, что он выказал себя требовательным и строгим по отношению к войнам и обещал стать настоящим государем, — он был убит таким же образом, как Гальба и как Пертинакс. (6) Дексипп не говорит, что Квинтилл был убит, а только — что он умер. Однако он не добавил — от какой болезни, так что, по-видимому, он сам находился в сомнении.

XIII. (1) Так как мы уже рассказали о его военных делах, то сейчас следует сказать хотя бы несколько слов о его роде и семье, чтобы не показалось, что мы обошли молчанием то, что необходимо знать. (2) Клавдий, Квинтилл и Крисп были братьями. У Криспа была дочь Клавдия; от нее и Евтропия, знатнейшего мужа дарданского племени, родился Констанций Цезарь. (3) Были также и сестры, из которых одна, по имени Константина, выданная за трибуна ассирийцев, умерла в первые годы после брака. (4) О его делах нам известно мало. Многие писатели дают о них противоречивые сведения. (5) Сам Клавдий замечателен строгостью нравов, замечателен своим необыкновенным образом жизни и исключительной целомудренностью. Воздержанный в употреблении вина, он был охотником до еды; имел высокий рост, огненный взгляд, широкое и полное лицо и настолько крепкие пальцы, что часто одним ударом кулака выбивал зубы у лошадей и мулов. (6) Он проделал нечто подобное, будучи еще юношей, на военной службе, когда во время Марсовых игр на поле была устроена борьба между всеми сильнейшими. (7) Рассердившись на того, кто вывернул у него не пояс, а половой орган, он одним уда-

⁶ 270 г.

ром кулака выбил у него все зубы. К этому отнеслись снисходительно, так как это было мщение за оскорбленную стыдливость. (8) Император Деций, в присутствии которого все это произошло, публично превозносил доблесть и стыдливость Клавдия и, одарив его браслетами и шейными цепями, потребовал от собрания воинов, чтобы они старались не причинять жестоких повреждений, которых не требуют правила борьбы. (9) У самого Клавдия детей не было. Квинтилл оставил двоих, а Крисп, как мы сказали, дочь.

XIV. (1) Теперь перейдем к суждениям, высказанным о нем разными государями, и остановимся на них не больше, чем это необходимо для того, чтобы было ясно, что рано или поздно Клавдий должен был стать императором. (2) Письмо Валериана Зосимиону, прокуратору Сирии: «Мы назначили Клавдия, человека иллирийского происхождения, трибуном пятого Марсова храбрейшего и преданнейшего легиона; этого человека следует поставить выше всех храбрейших и преданнейших людей древности. (3) Ты будешь давать ему содержание из нашей частной казны: в год — три тысячи модиев пшеницы, шесть тысяч ячменя, две тысячи фунтов сала, старого вина — три тысячи пятьсот секстариев, хорошего масла — сто пятьдесят секстариев, масла второго сорта — шестьсот секстариев, соли — двадцать модиев, воску — сто пятьдесят фунтов, сена, мякины, винного уксуса, овощей, зелени — сколько ему нужно, шкур для палаток — тридцать десятков, мулов — шесть в год, лошадей — трех в год, верблюдиц — десять в год, мулиц — девять в год, изделий из серебра — пятьдесят фунтов в год, филиппеев с нашим изображением — сто пятьдесят в год и в виде новогодних подарков — сорок семь и сто шестьдесят третьей золотого. (4) Также — в кубках, кружках и горшках — одиннадцать фунтов. (5) Туник военных красных — две в год, военных хламид — две в год, застежек серебряных позолоченных — две, золотую застежку с кипрской булавкой — одну. Один серебряный позолоченный пояс, одно кольцо весом в унцию с двумя драгоценными камнями, один обруч весом в семь унций, одну шейную цепь весом в один фунт, один позолоченный шлем, два щита с изображениями из золота, один панцирь — с возвратом. (6) Два геркулианских кобья, две палки с остриями, два кривых ножа, четыре косы. (7) Одного повара — с возвратом, одного погонщика мулов — с возвратом. (8) Двух красивых женщин — из пленниц. Одну полшелковую белую одежду с гирбитанским пурпуром, одну подпанцирную одежду с мавретайским пурпуром. (9) Одного письмоводителя — с возвратом, одного распорядителя на пирах — с возвратом. (10) Две пары кипрских ковров для ложа, две чистые нижние рубашки, два мужских шарфа, одну тогу — с возвратом, одну — с широкой пурпурной полосой — с возвратом. (11) Двух охотников, чтобы следовать за ним, одного тележного мастера, одного домоуправителя, одного водоноса, одного рыболова, одного кондитера. (12) Дров на день — тысячу фунтов, если есть запас, если же нет, то сколько и где будет; ежедневно четыре лопаты сухих дров. (13) Одного банщика и дрова для бани; если их нет, пусть моется в общественной бане. (14) Все прочие мелочи, которых нет возможности перечислить, ты будешь предоставлять ему в разумном количестве, но так, чтобы он ничего не переводил на деньги и, если чего-нибудь где-либо будет не хватать, то не предоставлять этого и не требовать взамен этого деньги. (15) Все это я назначил ему в особом порядке не как трибуна, а как военному начальнику, потому что это такой человек, которому следовало бы дать еще больше».

XV. (1) Также — из другого его письма префекту претория Аблавию Мурене, среди прочего: «Перестань жаловаться на то, что Клавдий до сих пор остается трибуном и не получил войска как военный начальник, на что, как ты не раз говорил, жалуется и сенат, и народ. (2) Он назначен военным начальником, и притом военным начальником всего Иллирика. Под его начальством — войска фракийские, мезийские, далматские, паннонские, дакийские. (3) Этот замечательный человек должен, и по нашему суждению, надеяться на консульство и, если это будет ему по душе, пусть получит, когда захочет, должность префекта претория. (4) Ты, конечно, знаешь, что мы назначили ему такое содержание, какое полагается занимающему должность префекта Египта, столько одежд, сколько мы определили для проконсула Африки,

столько денег, сколько получает управляющий горными разработками Иллирика, такое количество прислуги, какое мы сами себе назначаем по каждому городу, — чтобы все поняли, какого мы мнения о таком человеке».

XVI. (1) Также — письмо Деция о том же Клавдии: «Деций Мессале, наместнику Ахайи, привет». Среди прочего: «Нашему трибуну Клавдию, превосходному молодому человеку, храбрейшему воину, весьма стойкому гражданину, который необходим и лагерю, и сенату, и государству, мы предписали направиться в Фермопилы и поручили ему наблюдение за пелопоннесцами, так как мы знаем, что никто лучше его не выполнит всех обязанностей, которые мы на него возлагаем. (2) Ты дашь ему двести воинов из Дарданской области, сто человек из панцирников, шестьдесят — из всадников, шестьдесят — из критских стрелков, тысячу хорошо вооруженных — из новобранцев. (3) Ведь хорошо, если мы поручим ему новонабранные войска, ибо нельзя найти человека, более преданного, более храброго, более почтенного, чем он».

XVII. (1) Также — письмо Галлиена, написанное тогда, когда были получены от тайных агентов сведения о том, что Клавдий негодует против него за его изнеженный образ жизни: (2) «Ничто не произвело на меня такого тяжелого впечатления, как то, о чем ты сообщаешь в своем донесении: Клавдий, родственник и друг наш, под влиянием многих злостных сплетен, сильно разгневался. (3) Поэтому прошу тебя, мой Венуст, если ты хочешь показать мне свою верность, постарайся умиротворить его с помощью Грата и Геренниана, но так, чтобы об этом не знали дакийские воины, которые уже сейчас неистовствуют: как бы они не приняли этого слишком близко к сердцу. (4) Сам я послал ему подарки; ты постарайся, чтобы он принял их с удовольствием. Кроме того, следует позаботиться о том, чтобы он не догадался, что я об этом знаю, чтобы он не подумал, что я гневаюсь против него, и не был вынужден принять крайнее решение. (5) Я послал ему две украшенные драгоценными камнями трехфунтовые жертвенные чаши, две золотые кружки с драгоценными камнями — весом каждая в три фунта, серебряную тарелку с украшениями в виде ягод плюща — весом в двадцать фунтов, серебряный поднос с украшениями в виде листьев винограда — весом в тридцать фунтов, серебряную миску с украшениями в виде плюща — весом в двадцать три фунта, серебряное блюдо с изображением рыбака — весом в двадцать фунтов, два опранных в золото серебряных кувшина — весом в шесть фунтов и — в меньших сосудах — двадцать пять фунтов серебра, десять египетских и разной работы чаш; (6) две хламиды с каймой, блестящие по-настоящему, шестнадцать различных одежд, белую полушелковую одежду, одну шелковую цветную ленту в три унции, три пары мягких парфянских сапог из числа наших, десять далматских коротких одежд, одну дарданскую плащобразную хламиду, один иллирийский плащ, одну бардскую накидку с капюшоном, (7) два мохнатых капюшона, четыре сарептских платка; сто пятьдесят золотых валерианов, триста салонинских третей золотого».

XVIII. (1) Прежде чем достигнуть императорской власти, он получил из ряда вон выходящие отзывы и со стороны сената. По получении известия о том, что он вместе с Марцианом храбро боролся против разных племен в Иллирике, в сенате раздалась возгласы: (2) «Будь здрав, Клавдий, наш храбрейший полководец! Хвала твоим доблестям, твоей преданности! Мы все посвящаем Клавдию статую! Мы все хотим видеть Клавдия консулом! (3) Так действует тот, кто любит государство! Так действует тот, кто любит государей! Так действовали древние воины! Счастлив ты, Клавдий, благодаря суждениям о тебе государей, счастлив, благодаря своим доблестям, ты — консул, ты — префект! Живи, Валерий, и будь любим государем!». (4) Долго было бы писать о нем столько, сколько он заслужил. Однако об одном обстоятельстве я не должен умолчать: и сенат и народ — и до того, как он стал императором, и в то время как он был императором, и после того, как он перестал быть императором, — любили его так, что можно вполне определенно сказать, что ни Траян, ни Антонины, ни кто-либо другой из государей не были так любимы.

XXVI. Флавий Вописк Сиракузянин

БОЖЕСТВЕННЫЙ АВРЕЛИАН

I. (1) В гиларии, когда, как мы знаем, все действия и речи должны быть преисполнены веселья, префект Рима Юний Тибериан, славнейший муж, имя которого следует произносить, предварительно выразив уважение, по окончании праздника пригласил меня сесть в его служебную повозку. (2) Там, на досуге, свободный от судебных и государственных дел, он вел со мной длинную беседу — от Палатина до Вариевых садов, — главным образом о жизни государей. (3) Когда мы доехали до храма Солнца, освященного государем Аврелианом, Юний, состоящий в некотором кровном родстве с ним, спросил, кто дал в литературе его жизнеописание. (4) Когда я ответил ему, что из латинских писателей я не читал ни одного, а лишь кое-кого из греческих, этот безупречный человек излил свою скорбь в следующих словах: (5) «Следовательно, Терсита, Синона и прочие чудовища древних времен и мы хорошо знаем, и наши потомки будут часто вспоминать, а о божественном Аврелиане, славнейшем государе, в высшей степени строгом императоре, благодаря которому весь мир вновь вернулся под власть римской мощи, наши потомки знать не будут? Да избавит нас бог от такого безумия! (6) А ведь, если я не ошибаюсь, у нас есть дневники, в которых записаны деяния этого человека, есть также исторические описания его войн. Я хотел бы, чтобы ты взял их и описал все по порядку, добавив подробности, относящиеся к его жизни. (7) Все это ты изучишь — благодаря свойственному тебе усердию — на основании полотняных книг, в которых он сам приказал делать день за днем записи о его деяниях. Я позабочусь о том, чтобы тебе были выданы из Ульпиевой библиотеки и полотняные книги. (8) Прошу тебя, опиши, насколько возможно, жизнь Аврелиана в соответствии с действительностью». (9) Я выполнил указания, мой Пиниан⁷, получил греческие книги, взял в руки все, что было мне нужно, и из всего этого собрал в одну книгу то, что было достойно упоминания. (10) Ты же прими, пожалуйста, благосклонно мое подношение и, если оно не удовлетворит тебя, прочти греческих авторов, обратись также к полотняным книгам, которые по первому твоему желанию предоставит тебе Ульпиева библиотека.

II. (1) Пока мы ехали в той же повозке, у нас зашла речь о Требеллии Поллионе, который увековечил память и славных, и малоизвестных императоров, начиная с обоих Филиппов до божественного Клавдия и его брата Квинтилла, причем Тибериан утверждал, что Поллион изложил многое небрежно, многое слишком кратко, а я возражал ему, говоря, что нет ни одного писателя, по крайней мере — историка, который в чем-нибудь не солгал бы. Я привел ряд примеров, где можно уличить в этом — на основании ясных свидетельств — Ливия, Саллюстия, Корнелия Тацита и, наконец, Трога. Тогда Тибериан, соглашаясь с моим мнением и протягивая руку, сказал шутливо: (2) «Пиши, что тебе угодно. Ты спокойно будешь говорить все, что захочешь, так как попутчиками твоей неправды будут люди, которыми мы восхищаемся как мастерами исторического красноречия».

III. (1) Чтобы не заполнять предисловие многословными мелочными сообщениями и не стать нудным, скажу, что божественный Аврелиан родился в незнатной семье, по словам многих — в Сирмии, а по словам некоторых — в прибрежной Дакии. (2) Помнится, читал я одного автора, который заявляет, будто он родился в Мёзии. Случается, что родина людей, происходящих из незначительных мест, неизвестна, и они по большей части сами придумывают себе родину, чтобы благодаря славе, которой окружены эти места, придать себе блеск в глазах потомства. (3) Но при описании деяний великих государей главное — знать не то, где родился каждый из них, а то, каким правителем он был. (4) Разве Платона более возвеличивает то, что он был афинянином, а не то, что он был самым ярким светочем мудрости? (5) Или — разве менее

⁷ Конъектура Холя, который предполагает, что Пиниан — имя друга, которому посвящена автором книга.

знаменитыми окажутся Аристотель из Стагиры, Зенон из Элеи или скиф Анахарзис вследствие того, что они родились в очень незначительных поселочках, — раз великие достоинства их философии вознесли их до небес?

IV. (1) Чтобы вернуться к прежнему порядку изложения — Аврелиан, происходивший от родителей скромного звания, с ранних лет проявлял исключительные природные дарования. Обладая выдающейся силой, он, не пропуская ни одного дня, даже праздничного, даже свободного от занятий, упражнялся в метании копья, пускании стрел и во всем прочем, что относится к военному делу. (2) Относительно его матери Калликрат Тирский, весьма ученый греческий писатель, сообщает, что она была жрицей храма непобедимого⁸ Солнца в том поселке, где жили его родители. (3) Говорят, что, кроме того, она обладала некоторым даром прорицания и даже как-то раз, брая своего мужа за его глупость и ничтожество, бросила ему с укоризной: «И это отец императора!» — из чего можно заключить, что эта женщина знала предопределения судьбы. (4) Тот же писатель рассказывает, что у Аврелиана были следующие предвестники ожидавшей его императорской власти. Прежде всего тот таз, в котором купали его в детстве, много раз обвивала змея и ни разу не удавалось ее убить; наконец, сама мать, которая увидела это, не захотела убивать змею как существо, сроднившееся с семьей. (5) Вдобавок ко всему этому говорят, будто из небольшого пурпурного плаща, пожертвованного тогдашним императором в храм Солнца, жрица сделала пеленки для своего сына. (6) Он добавляет также, что завернутого в пеленочку Аврелиана орел поднял из колыбели и, не причиняя ему вреда, положил на находившийся у часовни жертвенник, на котором случайно не было огня. (7) Тот же писатель сообщает, что в стаде его матери родился теленок удивительной величины, весь белый, но с пятнами пурпурного цвета, так что на одном боку у него получились слова «будь здоров», а на другом — венец.

V. (1) Я помню, что у того же автора я прочитал много ненужного. Он серьезно утверждает, будто на дворе у этой женщины при рождении Аврелиана вырос куст пурпурных роз с запахом розы, но с золотистыми цветами. (2) И позднее, когда Аврелиан был уже на военной службе, было много знамений, предвещавших ему в будущем, как показал исход дела, императорскую власть. (3) Когда он на повозке въезжал в Антиохию — ввиду того, что вследствие ранения он не мог тогда сидеть на коне, — покрывало, растянутое в его честь, упало и легло ему на плечи. (4) Когда же он затем пожелал пересесть на коня — из-за того, что пользоваться повозками в городе считалось предосудительным, ему подвели императорского коня, на которого он второпях и сел; однако, узнав в чем дело, он пересел на своего коня. (5) Кроме того, когда он был отправлен посланником к персам, ему была дана в подарок жертвенная чаша, какую персидский царь обыкновенно дает в подарок императорам, — на ней было резное изображение Солнца в том виде, в каком его почитали в том храме, где мать Аврелиана была жрицей. (6) Ему был также подарен замечательный слон, которого он преподнес императору; таким образом, Аврелиан был единственным частным человеком, который владел слоном.

VI. (1) Но оставим в стороне все эти и другие подробности. Аврелиан имел привлекательную внешность, отличался мужественной красотой; он был довольно высокого роста, обладал очень большой телесной силой, питал некоторую страсть к вину и еде, но редко поддавался любовной страсти. Он был безмерно строг, поддерживал особенно строгую дисциплину, любил обнажать меч. (2) В войске было два трибуна Аврелиана — этот и другой, который был взят в плен вместе с Валерианом. Нашему войско дало прозвище «рубака», так что, если, бывало, спрашивали, который Аврелиан что-либо совершил или выполнил, то подсказывали «Аврелиан-рубака», и становилось понятно, о ком идет речь. (3) Еще не став императором, он совершил много славных подвигов. Так, когда сарматы сделали набег на Иллирик, он один с тремя сотнями гарнизонных воинов стер их в порошок. (4) Теоклий, описавший времена Цезарей, рассказывает, что Аврелиан во время Сарматской войны в один день убил своей собственной

⁸ Конъектура Холя.

рукой сорок восемь человек, а за много дней в разное время свыше девятиста пятидесяти, так что мальчики придумали в честь Аврелиана такие песенки и пляски, которые они исполняли в праздничные дни во время военных плясок:

(5) «Много, много, много тысяч мы с ним обезглавили.
Он один! А много тысяч мы с ним обезглавили.
Многи лета, многи лета многих перебившему!
Столько и вина не выпить, сколько крови пролил он»⁹.

(6) Я понимаю, что это — сущие пустяки, но так как вышеназванный автор поместил в свои произведения эти стихи в том виде, как они звучат по-латыни, то я и не считая возможным умолчать о них.

VII. (1) Будучи трибуном шестого Галльского легиона, он нанес под Могонципом сильное поражение вторгшимся и бродившим по всей Галлии франкам, убил семьсот человек, взял в плен и продал в рабство триста. (2) По этому поводу опять-таки была сочинена песенка: «Много франков и сарматов разом перебили мы, много, много, много тысяч персов надо перебить»¹⁰. (3) Он внушал воинам такой страх, что под его начальством, после того как он один раз наложил необыкновенно суровую кару за нарушение лагерного порядка, никто уже больше не делал нарушений. (4) Наконец, он — единственный из всех военачальников — подверг воина, совершившего прелюбодеяние с женой своего хозяина, такому наказанию: он велел наклонить верхушки двух деревьев, привязать их к ногам этого военного и сразу отпустить их, так что тот повис, разорванный пополам. Это навело на всех великий страх. (5) Вот его письмо, написанное им по поводу военных дел своему заместителю: «Если ты хочешь быть трибуном, даже больше — если ты хочешь быть живым, удерживай руки воинов. Пусть никто не крадет чужого цыпленка, пусть никто не трогает овцы, пусть никто не уносит винограда, пусть никто не топчет жатвы, пусть никто не требует масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своим пайком. Пусть они живут за счет добычи от врагов, а не за счет слез провинциалов. (6) Пусть оружие будет вычищено, железные острия отточены, обувь прочна. Пусть старую одежду сменяет новая. Пусть их жалование будет у них в поясе, а не в трактире. Пусть носят шейную цепь, обруч на руке, кольцо. (7) Пусть каждый чистит своего коня и вьючную лошадь, пусть не продает фуража животных, а за мулом, приписанным к центурии, пусть ходят все сообща. (8) Пусть один служит другому как господину, но пусть никто не служит как раб; пусть они пользуются бесплатным лечением у врачей, ничего не дают гарусникам, на постое ведут себя скромно. Кто будет заводить ссоры, тот должен быть бит».

VIII. (1) Недавно я нашел в Ульшнейвой библиотеке среди полотняных книг письмо божественного Валериана, касающееся государя Аврелиана. Как и подобает, я привожу его дословно: (2) «Валериан Август консулу Антонину Галлу. В дружеском письме ты обвиняешь меня в том, что я поручил своего сына Галлиена Постуму, а не Аврелиану, тогда как следовало бы доверить и мальчика и войско во всяком случае человеку более строгому. (3) Однако ты перестанешь так думать, если узнаешь, как строг Аврелиан: это строгость чрезмерная, переходящая всякие границы, тяжкая и уже не соответствующая нашему времени. (4) Призываю в свидетели всех богов — я боялся как бы он и с моим сыном не поступил слишком строго, если тот по своей природной склонности к забавам проявит легкомыслие». (5) Это письмо показывает, как был строг Аврелиан: даже сам Валериан говорит, что боится его.

IX. (1) Есть другое письмо того же Валериана, заключающее в себе похвалы Аврелиану. Я извлек его на свет из архивов городской префектуры: когда Аврелиан ехал в Рим, ему было назначено содержание в соответствии с его рангом. Копия письма: (2) «Валериан Август Цейонию Альбину, префекту Рима. Мы хотели бы отдельных лиц, наиболее преданных государству, наделить гораздо более значительными доходами, нежели это полагается по их званию, особенно же в тех случаях, когда самая их жизнь

⁹ Перевод сделан по конъектуре Корссена и Обердика.

¹⁰ Перевод сделан по конъектуре Корссена и Обердика.

вызывает уважение. Ведь, кроме звания, еще кое-что должно быть наградой за заслуги. Однако государство строго следит за тем, чтобы никто не мог получать из провинциальных взносов больше, чем полагается по его положению. (3) Мы предназначили храбрейшего мужа Аврелиана для осмотра и приведения в порядок всех лагерей; ему и мы, и все государство, по единодушному признанию всего войска, обязаны столь многим, что едва ли можно найти достойные его или слишком большие награды. (4) Действительно, разве он славен не во всех отношениях? В чем его нельзя сравнить с Корвинами и Сципионами? Он — освободитель Иллирика, он — восстановитель Галлий, он — во всем великий пример полководца. (5) И тем не менее я не могу ничего больше прибавить такому мужу к милости подарка: это несовместимо с хорошим и трезвым ведением государственных дел. (6) Поэтому ты, мой дражайший родственник, со свойственной тебе добросовестностью, все время, пока вышеназванный муж будет в Риме, будешь добавлять ему шестнадцать чистых солдатских хлебов, сорок лагерных солдатских хлебов, сорок секстариев столового вина, полпоросенка, двух петухов, тридцать фунтов свинины, сорок фунтов говядины, один секстарий масла, а также секстарий рыбной подливки, секстарий соли, зелени и овощей — сколько нужно. (7) Разумеется, так как ему во время его пребывания в Риме надо назначить что-либо особенное, — назначь в чрезвычайном порядке фураж, а ему самому на расходы — по два золотых антониниана, по пятисот серебряных филиппеев и по сто медных денариев. Все прочее будет доставляться ему через префекта государственного казначейства.

X. (1) Возможно, кому-нибудь все это покажется пустячным и слишком легковесным, но любопытство ни от чего не отказывается. (2) Много раз он исполнял должность военного начальника, очень много раз нес обязанности трибуна, в разное время был до сорока раз заместителем военных начальников и трибунов. Он даже заменял Ульпия Кринита, который выводил свой род от Траяна и на самом деле был очень храбрым человеком и очень походил на Траяна — он изображен в храме Солнца вместе с Аврелианом (этого Ульпия Валериан имел в виду возвести в звание Цезаря). Аврелиан водил войска, восстановил пограничную линию, раздавал воинам добычу, обогатил Фракию быками, конями, пленными рабами, поместил в Палатинском дворце свою долю добычи, собрал для частного имени Валериана пятьсот рабов, две тысячи коров, тысячу быков, десять тысяч овец и пятнадцать тысяч коз. (3) Это было тогда, когда Ульпий Кринит публично выразил благодарность находившемуся в термах в Византии Валериану, говоря, что его высоко ценят, если дадут ему Аврелиана в качестве заместителя. Поэтому он и решил усыновить Аврелиана.

XI. (1) Важно узнать письма, написанные об Аврелиане и обстоятельства его усыновления. Письмо Валериана Аврелиану: «Если бы милейший Аврелиан, кто-нибудь другой мог стать заместителем Ульпия Кринита, то я посоветовался бы с тобой относительно его доблести и усердия. Но так как я не мог найти никого, кто был бы лучше тебя, возьми на себя военные действия со стороны Никополя, чтобы болезнь Кринита не оказалось для нас помехой. (2) Сделай, что можешь. Не буду распространяться: в твоих руках будет начальство над армией. (3) У тебя есть триста птрейских стрелков, шестьсот армян, сто пятьдесят арабов, двести сарацинов, четыреста человек вспомогательного войска из Месопотамии. (4) У тебя есть третий Счастливый легион и восемьсот всадников-панцирников. (5) Вместе с тобой будут Гариомунд, Гальдагат, Гильдомунд, Кариовиск. Префектами заготовлен необходимый провиант во всех лагерях. (6) Твое дело — в соответствии с твоей доблестью и умением — расположить свой зимний и летний лагерь там, где ты ни в чем не будешь терпеть недостатка. Кроме того, разузнай, где находится вражеский обоз, и доподлинно узнай, сколько врагов и каковы они, чтобы попусту не тратьть продовольствия и не метать копий — на том и другом держится военное дело. (7) На тебя — да покровительствует мне бог — я возлагаю такие же надежды, какие могло бы возлагать государство на Траяна, если бы он был жив. Ведь не менее велик и тот, на чье место и чьим заместителем я тебя выбрал. (8) Тебе следует надеяться на консульство на следующий год вместе с тем же Ульпием Кринитом, на смену Галлиену и Валериану, — начинается оно за десять дней до июньских календ. Расходы возьмет на себя государство. (9) Ведь больше чем кому бы то

ни было мы должны облегчить бедность тем людям, которые, несмотря на долгую службу государству, остаются бедными». (10) Это письмо также показывает, сколь велик был Аврелиан; и действительно никто никогда не достигает вершины власти, если он с ранних лет не поднимался последовательно по ступенькам доблести.

XII. (1) Письмо относительно консульства: «Валериан Август Элию Ксифидию, префекту государственного казначейства. Аврелиану, которого мы назначили консулом, ты выдашь — ввиду его бедности, благодаря которой он велик (а в прочих отношениях еще выше) — для устройства цирковых игр триста золотых аптонинианов, три тысячи маленьких филиппеев и пятьдесят тысяч сестерциев медью, десять тонких мужских туник, двадцать полотняных египетских, две одиваковые кипрские скатерти, десять африканских ковров, десять мавретанских покрывал, сто свиней, сто овец. (2) Ты распорядишься устроить парадный пир для сенаторов и римских всадников и принести две большие жертвы и четыре малые». (3) И так как я сказал, что изложу некоторые подробности его усыновления, так как они касаются столь великого государя, (4) то, прошу, не сочти меня слишком нудным и многословным в передаче того, что я — в интересах достоверности — решил поместить в своем повествовании, позаимствовав из книг Ахония, который был церемониймейстером императора Валериана, — из девятой книги его «Деяний».

XIII. (1) Когда Валериан Август заседал в термах в Византии — в присутствии войска, в присутствии дворцовой прислуги, причем рядом с ним сидели ординарный консул ¹¹ Нуммий Туск, префект претория Бебий Макар, наместник Востока Квипт Анкарий, а по левую руку сидели начальник скифской границы Авульний Сатурнин, предназначенный в наместники Египта Мурренций Мавриций, начальник восточной границы Юлий Трифон, префект продовольственного снабжения на Востоке Меций Брундизин, начальник иллирийской и фракийской границы Ульпий Крипит и начальник ретийской границы Фульвий Бой. (2) Валериан Август сказал: «Государство благодарит тебя, Аврелиан, за то, что ты освободил его от владычества готов. Благодаря тебе мы так богаты добычей, богаты славой и всем тем, от чего возрастает счастье Рима. (3) Получай за свои подвиги четыре стеньных венка, пять венков за взятие валов, два морских венка, два гражданских венка, десять копий без наконечников, четыре двцветных знамени, четыре присвоенные военным начальникам красные туники, два проконсульских греческих плаща, тогу-претексту, расшитую пальмовыми ветвями тунику, украшенную вышивками тогу, толстую подпанцирную одежду, украшенное слоновой костью кресло. (4) Ведь сегодня я намечаю тебя в консулы и напишу сенату, чтобы он наделил тебя жезлом, наделил также связками: этого обычно не дает император, но сам, становясь консулом, получает это от сената».

XIV. (1) После этих слов Валериана поднялся Аврелиан, подошел к руке и выразил благодарность в чисто военных выражениях, которые я решил привести в их подлинном виде. (2) Аврелиан сказал: «Владыка Валериан, император, Август, я для того все это сделал, для того терпеливо переносил ранения, для того утомлял и своих копей и своих подчиненных, чтобы получить благодарность от государства и от своей совести. (3) Но ты сделал больше. Поэтому приношу благодарность твоей доброте и принимаю должность консула, которую ты мне даешь. Пусть боги и необходимый бог Солнце сделают так, чтобы и сенат судил обо мне таким же образом». (4) Когда все окружавшие стали выражать благодарность, поднялся Ульпий Крипит и произнес следующую речь: (5) «У предков наших, Валериан Август, был обычай, принятый и в нашей семье и свойственный ей: лучшие люди брали себе в сыновья храбрейших мужей для того, чтобы плодovitость этого заимствованного потомства украсила угасающие фамилии или семьи, лишнные детей. (6) То, что сделал Кокцей Нерва, усыновляя Траяна, Ульпий Траян — Адриана, Адриан — Антонина и вслед за ними — на основании поданного им совета — прочие, я решил повторить, признав своим сыном Аврелиана, которого ты своим авторитетным решением назначил моим заместителем. (7) Итак, прикажи действовать по закону, чтобы Аврелиан стал наследником святых, имени, имущества

¹¹ 258 г.

и всех прав Ульпия Крипитта, который является уже консуляром, Аврелиан, который, по твоему созванию, и сам очень скоро станет консуляром».

XV. (1) Долго рассказывать обо всем. Валериян благодарил Крипитта, и усыновление было произведено согласно существовавшему обычаю. (2) Помнится, я читал в какой-то греческой книге, о чем я не считал возможным умолчать, будто Валериян поручил Крипитту усыновить Аврелиана главным образом потому, что Аврелиан был беден; но я думаю, что этот вопрос следует оставить без обсуждения. (3) Ввиду того, что выше я привел письмо, на основании которого Аврелиану были отпущены средства на расходы, сопряженные с консульством, я считал нужным объяснить, почему я привел сообщение о таком едва ли не пустячном деле. (4) Мы недавно видели, что вступление в консульство Фурия Платидия было отпраздновано в цирке с такой расточительностью, что, казалось, возницам давались не награды, а целые состояния: дарились полушубковые туники, полотняные одежды с цветной шелковой полосой, дарились даже кони — при горестных вздохах честных людей. (5) Получалось так, словно консульство принадлежит богатству, а не человеку, так как ведь если оно дается за доблести, оно, во всяком случае, не должно разорять того, кто устраивает игры. (6) Миновали те чистые времена, и искательство перед народом будет все дальше уводить нас от них! Но мы, по своему обыкновению, оставим и этот вопрос без обсуждения.

XVI. (1) В силу стольких и столь великих полученных им преимуществ и пожалований, Аврелиан занял во времена Клавдия такое блестящее положение, что после смерти Клавдия, когда был умышлен и брат его Квинтилл, Аврелиан один оказался обладателем верховной власти, так как был убит и Авреол, с которым Галлиен когда-то заключил мир. (2) По этому поводу у историков, особенно у греческих, существует великое разногласие: одни говорят, что Авреол был убит Аврелианом против воли Клавдия, другие — что это случилось по прямому поручению и желанию Клавдия, иные — будто Авреол был убит, когда Аврелиан стал уже императором, другие, наоборот, — когда он был еще частным человеком. (3) Но и этот вопрос следует оставить без обсуждения: за разрешением его пусть обращаются к тем, кто описал все это. (4) Бесспорно только то, что божественный Клавдий доверил ведение всей войны против меотийцев исключительно Аврелиану.

XVII. (1) Имется письмо, которое я, по своему обыкновению, считал необходимым поместить здесь, чтобы быть добросовестным или, скорее, таким же образом, как это делают, как я вижу, другие авторы анналов. (2) «Флавиус Клавдий своему (Валериану) Аврелиану — привет. Наше государство требует от тебя обычной услуги. Наступай. Что медлишь? Я хочу, чтобы войско было под твоим начальством, а трибуны — под твоим руководством. Нужно напасть на готов. Нужно выгнать готов из Фракии. Ведь многие из них, бежавшие после битвы с тобою, тревожат Гемимонт и Европу. (3) Под твою власть я ставлю все фракийские войска, все иллирийские и всю пограничную линию. Покажи нам свою обычную доблесть. С тобой будет и брат мой Квинтилл, после того как он с тобой встретится. (4) Занятый другими делами, я вверяю твоей доблести главное руководство этой войной. Я послал тебе десять коней, два панциря и все прочее, чем необходимо снабдить того, кто отправляется на войну». (5) Благодаря ряду удачных сражений он — под верховной властью Клавдия — восстановил целостность государства. Как мы сказали выше, все легионы немедленно объявили его единогласно императором.

XVIII. (1) До получения императорской власти Аврелиан — в правление Клавдия — командовал всей конницей, так как начальники последней попали в немилость за то, что они неосторожно вступили в битву вопреки приказанию Клавдия. (2) В это же время Аврелиан дал решительное сражение свевам и сарматам и одержал блестящую победу. (3) Но при Аврелиане было и поражение от маркоманнов вследствие того, что была допущена ошибка: в то время как он не думал встретить их с фронта, римляне столкнулись с внезапно прорвавшимися врагами, и когда он готовился преследовать их с тылу, все окрестности Меднолана подверглись жестокому опустошению. Однако впоследствии сами маркоманны были побеждены. (4) Среди такой тревоги, когда маркоманны производили повсюду опустошения, в Риме произошли очень большие мятежи: все боялись, как бы не случилось того, что было при Галлиене. (5) Поэтому справи-

лись в Сивиллиных книгах, известных теми благодеяниями, которые они оказали государству. Там было найдено указание — принести жертвы в определенных местах, чтобы варвары не могли пройти по ним. (6) Словом, предписания относительно разного рода священнодействий были выполнены; таким образом, варвары были остановлены, а затем, когда они разбрелись по стране, Аврелиан всех их перебил. (7) Мне хочется привести здесь в его подлинном виде самое сенатское постановление, в силу которого авторитетной волей светлейшего сословия было приказано обратиться к Сивиллиным книгам.

XIX. (1) За два дня до январских ид городской претор Фульвий Сабин сказал: «Докладываем вам, отцы сенаторы, о совете понтификов и о письме государя Аврелиана; в них заключается повеление обратиться к книгам судеб, в которых содержится для нас надежда на окончание войны согласно святому велению богов. (2) Ведь вы и сами знаете, что к этим книгам обращались всякий раз, как возникало какое-нибудь особенно значительное волнение и общественные бедствия оказывались только после принесения жертв согласно их авторитетному указанию». (3) Тогда поднялся Ульпий Сизан, имевший право первым высказывать свое мнение, и говорил так: «Слишком поздно, отцы сенаторы, мы начали думать о спасении государства, слишком поздно справляемся о велениях судеб, подобно тем болящим, которые посылают за лучшими врачами только тогда, когда находятя в совершенно безнадежном состоянии, как будто опытные люди должны лечить только тяжелые случаи, хотя было бы лучше, если бы они оказывали помощь при всяких заболеваниях. (4) Ведь вы помните, отцы сенаторы, что я часто говорил среди этого сословия — еще тогда, когда было получено известие о прорыве маркоманнов, — о необходимости вопросить о предначертаниях Сивиллы, воспользоваться благодеяниями Аполлона и покориться предписаниям бессмертных богов. Однако некоторые возражали, притом возражали, совершенно искажая действительность, так как льстиво утверждали, что доблесть государя Аврелиана делает совершенно излишним обращение за советом к богам, как будто и сам этот великий муж не чтит богов, не возлагает своих надежд на бессмертных богов. (5) Но к чему распространяться? Мы сами прослушали чтение письма, где он испрашивает божью помощь, — ведь это никогда никому не приносило позора. Пусть храбрейшему мужу будет оказано содействие. (6) Действуйте же, понтифики, и чистые, опрятные, безупречные, с соответствующими священным обрядам одежаниями и думами, взойдите в храм, расставьте ваши скамьи, увитые лаврами, прикрытыми руками перелистайте книги и узнайте незыблемые судьбы нашего государства. Велите мальчишкам, у которых живы отец и мать, исполнить песню. Мы здесь назначим суммы на расходы по выполнению священных обрядов, мы назначим все принадлежности жертвоприношений, мы назначим обход полей».

XX. (1) После этого многие сенаторы были опрошены и высказали свое мнение; приводить эти мнения было бы слишком долго. (2) Затем одни протягиванием рук, другие переходом, а многие словесно выразили свое согласие, и было составлено постановление сената. (3) Затем пошли в храм, обратились к книгам, извлекли стихи, произвели очищение города, пронесли песни, совершили обход города, обещали обход полей, и таким образом, было выполнено предписание насчет торжественного обряда. (4) Письмо Аврелиана по поводу Сивиллиных книг (я привожу его для подтверждения рассказанного): (5) «Я удивляюсь, безупречные отцы сенаторы, тому, что вы так долго колебались, прежде чем раскрыть Сивиллины книги, как будто вы рассуждали в христианской церкви, а не в храме всех богов. (6) Действуйте же и нравственной чистотой понтификов и торжественными священнодействиями помогите государю, пекущемуся о государственных нуждах. (7) Пусть обратятся к книгам; если следует что-либо сделать, — пусть это будет совершенно. Я не отказываю в средствах на любой расход, в присылке пленников из любого племени, в выдаче любых царских животных, — все это я охотно предлагаю: ведь нет ничего позорного в том, чтобы победить с помощью богов. У наших предков так было закончено много войн, так и начато. (8) На случай расходов я отправил префекту государственного казначейства письмо с приказом назначить средства. Кроме того, вам подведомственна государственная касса, которая, как я нахожу, папопшена больше, чем мне это желательно».

XXI. (1) Когда Аврелиан, сосредоточив в одном месте свое войско, пожелал вступить в столкновение со всеми врагами, он потерпел под Плаценцией такое поражение, что Римская империя едва не распалась. (2) Причиной такой опасности было коварное и хитрое движение варваров. (3) Не будучи в состоянии вступить в открытый бой, они скрылись в очень густых лесах и таким образом с наступлением вечера привели в замешательство наших. (4) В сущности, если бы — благодаря божьей помощи вследствие обращения к Сивилинным книгам и заботе о выполнении жертвоприношений — варвары не были окружены ужасными видениями и божественными призраками, то не было бы у римлян победы. (5) Окончив борьбу с маркоманнами, Аврелиан, человек по природе жесткий, устремился в Рим преисполненный гнева и охваченный жаждой мщения, которого требовала серьезность мятежей. Во всех других отношениях человек превосходный, он здесь грубо проявил свою власть: казнив зачинщиков мятежа, он произвел кровавое усмирение там, где можно было воздействовать более мягкими мерами. (6) Были убиты даже некоторые из родовитых сенаторов на основании легковесных обвинений, которые более мягкий государь мог бы оставить без внимания, исходящих от одного единственного свидетеля, притом ненадежного или ничтожного. (7) Но в чем много слов? Свое правление, бывшее до того столь славным и обещавшее, и не напрасно, быть таким же и впредь, он запятнал таким печальным, заслуживающим беславия поступком. (8) Этот превосходный государь стал внушать страх, а не любовь; одни говорили, что такого государя надо глубоко ненавидеть, а не считать желанным; другие — что он хороший врач, но лечит дурным способом. (9) После этих событий, увидев, что может повториться нечто, подобное тому, что было при Галлиене, он, посоветовавшись с сенатом, расширил стены Рима. Однако добавление к померию он сделал не в это время, а позднее. (10) Делать добавление к померию дозволено только тому государю, который обогатил Римское государство какой-нибудь частью варварской земли. (11) Добавление сделал Август, сделал Траян, сделал Нерон, в правление которого были подчинены мощи Рима Полемонов Понт и Коттийские Альпы.

XXII. (1) Закончив все дела, связанные с вопросом об укреплении города, положив в городе и восстановлении гражданского порядка, он направился против пальмирцев, то есть против Зенобии, которая от имени своих сыновей держала в своих руках власть на Востоке. (2) По пути он вел много разного рода больших войн. Так, он победил варваров, встретившихся с ним во Фракиях и в Иллирике, а за Дунаем уничтожил вождя готов Каннаба, или Каннабауда, с пятью тысячами человек. (3) Оттуда через Византий он прошел к Вифинии и занял ее без боя. (4) Много славных дел и слов он там совершил и сказал, но включить все это в свою книгу мы не можем и не хотим, боясь наскучить читателям. Однако для понимания нравов и доблестей Аврелиана кое-что узнать следует. (5) Дойдя до Тианы и найдя ее запертой, он, говорят, в гневе воскликнул: «Собаки живой не оставлю в этом городе!». (6) Благодаря решению воинов, воодушевленных надеждой на добычу, и измене некоего Геракламона, предавшего свою родину из страха быть убитым среди прочих, город был взят.

XXIII. (1) Тут Аврелиан, действительно по-императорски, принял два решения, из которых одно показывает его строгость, а другое — мягкость. (2) Мудрый победитель убил Геракламона, предателя своей родины; когда же воины, согласно его слову о том, что он не оставит в Тиане живой собаки, требовали разрушения города, он ответил: «Да, я объявил, что в этом городе не оставлю ни одной собаки: всех собак убивайте!». (3) Благородно слово государя, но еще благороднее поведение воинов, так как шутку государя, из-за которой все войско лишилось добычи, но сохранился целый город, войско приняло так, словно его наделили богатством. (4) Письмо по поводу Геракламона: «Аврелиан Август Маллию Хилону. Я позволил убить того, от кого я — как бы в виде благодеяния — получил Тиану. Я не мог чувствовать расположение к предателю и охотно примирился с тем, что воины убили его. Ведь тот, кто не пощадил своей родины, не мог бы сохранить верность и по отношению ко мне. (5) В сущности, из всех тех, кто был осужден, пал он один. Не могу отрицать того, что он был богатым человеком, но его состояние я отдал его детям, чтобы никто не мог обвинить меня в том, что я допустил убийство богатого человека ради его денег».

XXIV. (1) Взят был город удивительным образом. Когда Геракламмон показал приподнятое в виде естественной насыпи место, куда мог подняться в императорском одеянии Аврелиан, последний взшел туда и, подняв свою пурпурную хламиду, показал себя гражданам, находившимся в городе, и воинам, бывшим вне его, и таким образом был взят этот город, словно все войско Аврелиана было уже на стенах. (2) Нельзя умолчать об обстоятельстве, которое имеет отношение к славе высокочтимого мужа. (3) Передают, что Аврелиан действительно сказал и действительно думал о разрушении города Тианы. Однако в то время, когда он удалялся в свою палатку, перед ним внезапно предстал — в том виде, в каком его обычно можно видеть — Аполлоний Тианский, прославленный молвою и пользующийся великим авторитетом мудрец, древний философ и истинный друг богов, который и сам должен быть предметом поклонения, подобно божеству. Он сказал по-латыни, чтобы его мог понять уроженец Паннонии, следующие слова: (4) «Аврелиан, если ты хочешь победить, то тебе не следует помышлять об убийстве моих сограждан. Аврелиан, если ты хочешь быть императором, воздержись от пролития крови безвинных. Аврелиан, будь милостив, если ты хочешь жить». (5) Аврелиан был знаком с обликом высокочтимого философа и видел его изображение во многих храмах. (6) Словом, пораженный Аврелиан сразу обещал ему изображение, статуи и храм и изменил к лучшему свой образ мыслей. (7) Обо всем этом я узнал от почтенных людей и прочитал в книгах Ульпиевой библиотеки; принимая во внимание величие Аполлония, я еще больше поверил этому. (8) Действительно, был ли среди людей человек более безупречный, более чтимый, более значительный и более божественный? Умершим он возвращал жизнь; он сделал и сказал многое такое, чего не в силах сделать и сказать люди. Кто хочет узнать об этом, пусть прочтет греческие книги, в которых описана его жизнь. (9) Я сам, если хватит моей жизни и поможет милость этого мужа, опишу хотя бы вкратце деяния столь великого мужа — не потому, чтобы дела этого мужа нужно было поддерживать моим словом, но для того, чтобы всеми голосами прославлялось то, что достойно удивления.

XXV. (1) Отвоевав обратно Тиану, Аврелиан, пообещав всем неприкосновенность, овладел Антиохией, после небольшого сражения под Дафной. С этих пор он, как указывают, повинуюсь наставлениям высокочтимого мужа Аполлония, стал более человечным и милостивым. (2) Затем под Эмесой произошел крупный бой с Зенобией и ее союзником Забой, где должен был решиться вопрос о верховной власти. (3) Когда утомленные всадники Аврелиана уже готовы были отступить и обратиться вспять, внезапно, как выяснилось впоследствии — под воздействием божества, так как некий божественный образ ободрял воинов, — пехотинцы восстановили порядок среди всадников. Зенобия вместе с Забой была обращена в бегство, и одержана полная победа. (4) Спасши положение на Востоке, Аврелиан победителем вступил в Эмесу и немедленно направился в храм Гелиогабала под предлогом выполнения обетов от имени всех. (5) Там он и нашел тот образ божества, который, как он видел, покровительствовал ему на войне. (6) Поэтому он и здесь заложил храмы, сделав необыкновенные приношения, и в Риме соорудил храм Солнцу, освященный с великим торжеством, как мы расскажем в своем месте.

XXVI. (1) После этого он направил путь в Пальмиру, чтобы завоеванием этого города положить конец трудам. В пути он много перенес от сирийских разбойников, которые не раз устраивали дурной прием его войску; и во время осады он подвергался большой опасности, даже был ранен стрелой. (2) Имеется его собственноручное письмо, посланное им Мукапору, где он, отложив в сторону свою императорскую гордость, признает трудность этой войны: (3) «Римляне говорят теперь, что я веду войну против женщины, как будто со мной сражается одна Зенобия и только своими собственными силами, однако врагов здесь столько, как если бы мне приходилось осаждать мужчину; но они — под начальством женщины, которой сильно вредят совесть и страх. (4) И выразить нельзя, сколько тут стрел, какое военное снаряжение, сколько копий, сколько камней. Нет ни одного места на стене, где не стояло бы по две и по три баллисты. Метательные орудия выбрасывают даже огонь. (5) Но к чему распространяться? Она боится как женщина и сражается как мужчина, который боится наказания. Но я верю,

что боги помогут Римскому государству: они никогда не отказывали в содействии нашим начинаниям». (6) Наконец, утомленный, уставший от бедствий, Аврелиан послал Зенобии письмо, предлагая ей сдаться и обещая сохранить ей жизнь. Даю копия этого письма: (7) «Аврелиан, император Римского государства, отвоевавший Восток, Зенобии и всем тем, кто воюет сообща с ней. (8) Вы должны были бы сами сделать то, чего я требую от вас теперь в моем письме. Я предписываю вам сдаться и обещаю сохранить неприкосновенной вашу жизнь, причем ты, Зенобия, будешь жить вместе со своими в том месте, куда я помещу тебя согласно решению блистательного сената. (9) Драгоценные камни, золото, серебро, шелк, коней, верблюдов вы должны передать в римское государственное казначейство. Пальмирцам будут оставлены их права».

XXVII. (1) Получив это письмо, Зенобия ответила более высокомерно и заносчиво, чем позволяло ее положение, думаю — для того чтобы устроить врагов. Копию ее письма я также привожу здесь: (2) «Зенобия, царица Востока, Аврелиану Августу. Никто, кроме тебя, до сих пор не просил в письме того, чего требуешь ты. На войне все решает доблесть. (3) Ты предлагаешь мне сдаться, как будто не знаешь, что царица Клеопатра предпочла умереть, а не жить в каком угодно почете. (4) Персы не отказываются прислать мне на помощь войска, и мы уже ждем их; за нас стоят сарацины, за нас — армяне. (5) Твое войско, Аврелиан, победили сирийские разбойники. Что же? Если соберутся все вооруженные силы, которые ожидаются со всех сторон, тебе придется отказаться от той надменности, с какой ты повелеваешь мне теперь сдаться, как будто ты в полной мере победитель». (6) Это письмо, продиктованное самой Зенобией, Никомах, по его словам, перевел с сирийского языка на греческий. Ведь и приведенное выше письмо Аврелиана было написано по-гречески.

XXVIII. (1) Получив это письмо, Аврелиан не смутился, напротив — он даже разгневался. Собрав немедленно свое войско и своих начальников, он со всех сторон осадил Пальмиру; решительный вождь ничего не упустил из виду: все довел до конца, обо всем позаботился. (2) Он перехватил отряды, которые были посланы на помощь персами, подкупил конные отряды сарацинов и армян и, действуя то жестко, то мягко, привлек их на свою сторону. Наконец, пустив в ход большие силы, он победил эту могущественнейшую женщину. (3) Когда побежденная Зенобия пыталась бежать на верблюдах, которых называют беговыми, и направилась к персам, она была захвачена посланной вдогонку конницей и передана в руки Аврелиана. (4) Победитель и уже владыка всего Востока, державший в оковах Зенобию, стал проявлять при переговорах с персами, армянами, сарацинами по поводу дел, возникавших в связи с тогдашним положением, слишком большое высокомерие и заносчивость. (5) Тогда были привезены те осипанные драгоценными камнями одеяния, которые мы видим в храме Солнца, тогда же — и персидские драконы и тигры и тот род порфиры, какого впоследствии не присылало ни одно племя и какого не видал еще римский мир. О ней хочется сказать хоть немного.

XXIX. (1) Вы помните, что в храме Юпитера Капитолийского, всеблагого и величайшего, находился небольшой пурпурный шерстяной греческий плащ; когда матроны и даже сам Аврелиан приближались к нему свои пурпурные одежды, последние при сравнении с его божественным блеском теряли свою окраску и приобретали пепельный цвет. (2) Говорят, что персидский царь, получив этот подарок от индийцев, живущих во внутренних частях страны, прислал его Аврелиану и при этом написал ему: «Прими пурпурную одежду, какая бывает у нас». Но это была неправда. (3) Ведь впоследствии и Аврелиан, и Проб, и еще недавно Диоклетиан разыскивали подобного рода пурпур, послав для этого самых старательных мастеров, но найти его не могли. Говорят, что такой пурпур дает индийская киноварь, если уметь с ней обращаться.

XXX. (1) Но — чтобы вернуться к начатому рассказу — среди воинов поднялся необыкновенный шум: все они требовали наказания Зенобии. (2) Аврелиан, однако, считал недостойным убить женщину; казнив большинство тех, по чьему подстрекательству она начала, подготовила и вела войну, он сохранил эту женщину для триумфа, чтобы показать ее очам римского народа. (3) Из числа тех, кто был убит, тяжелой, как передают, была утрата философа Лонгина, под руководством которого Зенобия, как говорят,

изучала греческую литературу. Аврелиан, говорят, казнил его потому, что гордое письмо Зенобии было, как говорили, написано по его совету, хотя оно и было составлено на сирийском языке. (4) Итак, установив мир на всем Востоке, Аврелиан вернулся победителем в Европу. Там он разбил войска карпов и, когда сенат дал ему в его отсутствие прозвание Карпского, он, говорят, прислал шуточный ответ: «Недостает только того, отцы сенаторы, чтобы вы назвали меня еще Карписклом». (5) Всем известно, что карпискл — это особый род обуви. Такое прозвание казалось безобразным, тогда как он уже назывался Готским, Сарматским, Армянским, Парфянским и Адиабенским.

XXXI. (1) Редко бывает, чтобы сирийцы сохранили верность, им это даже трудно. Когда Аврелиан был занят европейскими делами, пальмиры, уже побежденные и разбитые, подняли крупное восстание. (2) Сандариона, которого Аврелиан оставил там с гарнизоном, они убили вместе с шестьюстами стрелков и вручили власть некоему Ахиллу, родственнику Зенобии. (3) Однако Аврелиан — в полной готовности — вернулся с Родопы и разрушил город, так как он того и заслуживал. (4) Словом, жестокость Аврелиана или, как выражаются некоторые, его строгость заходила слишком далеко, так что в одном известном письме сам он открыто сознается в том, что проявил самую лютую ярость. Вот его копия: (5) «Аврелиан Август Церронию¹² Бассу. Не следует более давать волю мечам воинов. Довольно уже зарублено и зарезано пальмирцев. Мы не пощадили женщин, мы перебили детей, перерезали стариков, истребили жителей деревень. (6) Кому же мы оставим потом землю, кому оставим город? Надо пощадить тех, кто остался в живых. Я уверен, что эти, столь немногие, исправятся после наказания многих. (7) Я хочу привести в прежний вид храм Солнца, который разграбили в Пальмире орлоносцы третьего легиона вместе с знаменосцами, дракононосцем, горнистами и трубачами. (8) У тебя есть триста фунтов золота из ларцов Зенобии, у тебя есть тысяча восемьсот фунтов серебра из пальмирского добра, у тебя есть царские драгоценные камни. (9) Имея все это, постарайся почтить храм. Этим ты очень угодишь и мне, и бессмертным богам. Я напишу сенату и попрошу прислать понтифика, который произвел бы освящение храма». (10) Это письмо, как мы видим, указывает на то, что суровый император насытил свою лютую жестокость.

XXXII. (1) Наконец, он вторично, но уже чувствуя себя в большей безопасности, вернулся в Европу и, проявляя свою прославленную доблесть, разбил бродивших здесь врагов. (2) Между тем, пока Аврелиан совершал во Фракиях и по всей Европе свои необыкновенные подвиги, появился некий Фирм, который, не имея никаких законных знаков власти, завладел Египтом, словно последний был независимым государством. (3) Аврелиан немедленно обратился против него, и его обычное счастье не изменило ему: он тотчас же отвоёвал обратно Египет. Как человек жестокий, Аврелиан отомстил за замыслы. Пылая сильным гневом из-за того, что Тетрик до сих пор еще держит в своей власти Галлии, он устремился на запад. Тетрик сам передал ему свое войско, так как не мог больше выносить злодеяний последнего. Аврелиан принял власть над переданными ему легионами. (4) Став, таким образом, государем всего мира, усмирив Восток, галлов и все земли со всех сторон, Аврелиан направил свой путь в Рим, чтобы представить очам римлян триумф над Зенобией и над Тетриком, то есть над Востоком и над Западом.

XXXIII. (1) Не будет уклонением в сторону дать понятие о том, какой был триумф Аврелиана: ведь он был очень блестящим. (2) Там было три царские колесницы; из них одна — колесница Одената, отделанная и разукрашенная серебром, золотом и драгоценными камнями; вторая — присланная персидским царем в подарок Аврелиану, такой же искусной работы; третья — которую сделала для себя Зенобия, надеясь вступить в ней в город Рим. II в этом она не ошиблась: вместе с ней она вошла в Рим побежденная, в чужом триумфе. (3) Была еще одна колесница, запряженная четырьмя оленями; она, говорят, принадлежала царю готов. На ней, как передают многие, Аврелиан въехал на Капитолий, чтобы там заклать оленей; говорят, что он захватил их вместе

¹² Возможно другое чтение: Ceionio; Cervonio.

с колесницей и посвятил Юпитеру всеблагому и величайшему. (4) Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины — Аврелиан немедленно роздал их частным лицам, чтобы не отягощать императорскую казну их прокормом; четыре тигра, жирафы, лоси и другие подобные звери — в полном порядке; восемьсот пар гладиаторов, не считая пленников из варварских племен, — блеммии, аксомиты, арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, сарацины, персы — все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы со связанными руками как пленники. (5) Среди них шли впереди и уцелевшие знатнейшие лица города Пальмиры, и египтяне — в наказание за восстание.

XXXIV. (1) Вели и десять женщин, которые сражались в мужской одежде среди готов и были взяты в плен, тогда как много других женщины было убито, — надпись указывала, что они из рода амазонок: впереди несли надписи, указывавшие названия племен. (2) Тут же был Тетрик, одетый в алую хламиду, желто-зеленую тунику, галльские брюки; рядом с ним шел его сын, которого он объявил в Галлии императором. (3) Выступала и Зенобия в украшениях из драгоценных камней, в золотых цепях, которые поддерживали другие. Впереди несли золотые венки от всех городов; названия последних были обозначены в высоко поднятых надписях. (4) Много блеска придавали торжественному шествию сам римский народ, затем знамена коллегий и лагерей, воины, воины — панцирники, сокровища царей, все войско и сенат, хотя и несколько опечаленный, так как сенаторы видели, что над ними справляется триумф. (5) Наконец, лишь в девятом часу он прибыл на Капитолий и поздно вечером — в Палатинский дворец. (6) Вследующие дни для народа были устроены развлечения — театральные представления, цирковые игры, охоты, бои гладиаторов, морские сражения.

XXXV. (1) Я не считаю возможным обойти молчанием то, о чем помнит народ и неоднократно сообщает достоверная история. Отправляясь на восток, Аврелиан обещал народу венки весом по два фунта, если он вернется победителем. Народ ожидал золотых венков, но Аврелиан либо не хотел, либо не мог дать их и велел сделать венки из хлеба, который теперь называется крупичатым, и дать каждому из граждан, причем каждый мог получать свой крупичатый хлеб в течение всей своей жизни и передать это право по наследству своим потомкам. (2) Аврелиан же раздавал римскому народу и свиное мясо, которое распределяется и доныне. (3) Он установил очень много законов, притом благотельных. Он учреждал жреческие должности, заложил храм Солнца и укрепил его портиками. Он назначил также средства для починки храмов и вознаграждения служителям культа. (4) После этого он отправился в Галлию и освободил винделиков от осады, в которой их держали варвары. Затем он вернулся в Иллирик и, собрав скорее большое, нежели огромное войско, объявил войну персам, которых он разбил с великой славой уже в то время, когда победил Зенобию. (5) Но в пути, в местечке Кенофрурии, находящемся между Гераклеей и Византием, он был убит по злему умыслу своего письмоводителя и рукою Мукапора.

XXXVI. (1) Я вкратце изложу, что было причиной его убийства и каким образом оно было совершено, для того чтобы подробности такого события не остались неизвестными. (2) Аврелиан был — отрицать этого нельзя — государем суровым, беспокойным, кровожадным. (3) Так как в своей суровости он дошел до того, что велел убить дочь своей сестры, хотя обвинение против нее было незначительное и недостаточно веское, — то он прежде всего возбудил ненависть к себе со стороны своих же близких. (4) Случилось — так роковым образом складываются обстоятельства, — что своими угрозами он вызвал ненависть к себе со стороны подозреваемого им в чем-то Мнестей, который был у него письмоводителем по секретным бумагам и, как говорят, его вольноотпущенником. (5) Зная, что Аврелиан никогда не грозит попусту, а если грозит, то никогда не прощает, Мнестей составил список имен, в котором были перемешаны с именами тех, на кого Аврелиан действительно гневался, также имена тех, о ком он не думал ничего дурного, и добавил к ним свое имя, для того, чтобы проявляемое им беспокойство вызвало больше доверия. Список он прочитал отдельным лицам, имена которых в нем значились, добавляя, что Аврелиан решил всех их убить и что они, если

они настоящие мужчины, должны позаботиться о собственной жизни. (6) Страх овладел теми, кто заслужил кару, а скорбь — теми, кто не имел вины, так как Аврелиан, казалось, не чувствовал признательности за все оказанные ему благодеяния и услуги. И они в пути, в вышеназванном месте, внезапно напали на государя и умертвили его.

XXXVII. (1) Таков был конец Аврелиана, государя скорее необходимого, нежели хорошего. Когда он был убит, и все это дело раскрылось, то те же самые люди, которые умертвили его, почтили его огромной гробницей и храмом. (2) Впоследствии Мнестей был повешен к столбу и отдан на растерзание диким зверям, на что указывают мраморные статуи, поставленные по обе стороны там, где были воздвигнуты на колоннах и статуи в честь божественного Аврелиана. (3) Тяжкую скорбь испытал по поводу его смерти сенат, но еще более тяжкую — римский народ, который обычно называл Аврелиана дядькой сенаторов. (4) Он был императором пять лет и шесть месяцев без нескольких дней и за свои великие деяния был причислен к богам. (5) Я не стел себя в праве умолчать о том, что сообщается в истории, так как это имеет отношение к Аврелиану. Многие передают, что брат Клавдия Квинтилл, оставленный для охраны Италии, услышав о смерти Клавдия, взял на себя императорскую власть. (6) Но потом, когда стало известно, что императором стал Аврелиан, все войско покинуло его. Он выступил с речью против Аврелиана, но воины не слушали его; тогда он, перерезав себе вены, погиб на двадцатый день своей власти. (7) Аврелиан совершенно очистил весь мир от всего того, что было преступным, от всего того, что порождено нечистой совестью или пагубными ухищрениями, наконец, — от всяких интриг.

XXXVIII. (1) Некоторый интерес представляет, как я полагаю, и то, что Зенобия держала в своих руках власть от имени своего сына Вабалата, а не Тимолая и Геренниана. (2) В правление Аврелиана была также зойна с работниками монетного двора, которыми руководил счетный чиновник Фелициссим. Аврелиан подавил восстание чрезвычайно жестоко и сурово, но при этом было убито семь тысяч его собственных воинов, как это можно видеть из письма, посланного им Ульпию Криниту, бывшему в третий раз консулом, — тому, который когда-то усыповил его: (3) «Аврелиан Август своему отцу Ульпию. Какие бы войны я ни вел, все они, — словно так предопределено судьбой — непременно осложняются всякого рода волнениями; так и вспыхнувший в стенах города мятеж породил в высшей степени тяжелую войну. Работники монетного двора под руководством Фелициссима, самого последнего из рабов, которому я поручил управление императорским казначейством, поднялись, преисполненные непокорного духа. (4) Их восстание было подавлено, причем погибло семь тысяч лембариев, рипарийцев, кастрианов и даков. Отсюда ясно, что бессмертные боги не дали мне ни одной победы без трудностей».

XXXIX. (1) Тетрика, над которым он справил триумф, он назначил корректором Лукании, сына же его оставил в сенате. (2) Он выстроил великолепный храм Солнца. Он расширил стены города Рима, так что окружность его стен равнялась почти пятидесяти милям. (3) Ябедников и доносчиков он преследовал с необыкновенной строгостью. Ради спокойствия частных лиц он велел раз навсегда сжечь на форуме Траяна государственные списки должников. (4) При нем была объявлена амнистия по государственным преступлениям по примеру афинян (о чем упоминает и Туллий в своих Филиппиках). (5) Грабителей провинций, уличенных в казнокрадстве и вымогательстве, он преследовал с более чем военной строгостью и карал жесточайшими казнями и изгнаниями. (6) В храм Солнца он поместил много золота и драгоценных камней. (7) Видя, что Иллирик опустошен и Мёзия разорена, он покинул созданную Траяном задунайскую провинцию Дакию, уведя оттуда войско и провинциалов, так как потерял надежду удержать ее; увезенных оттуда людей он поселил в Мёзии и назвал своей Дакией область, которая сейчас разделяет две Мёзии. (8) Кроме того, он, говорят, отличался такой жестокостью, что выдвигал против многих сенаторов вымышленные обвинения в интригах, направленных к составлению заговоров и установлению тирании, для того чтобы получить возможность легко казнить их. (9) Некоторые добавляют, что он лишил жизни не дочь своей сестры, а сына, но очень многие утверждают, что — и сына сестры.

XL. (1) Как трудно избрать императора на место хорошего государя — это доказано и твердостью, проявленной безупречным сословием сенаторов, и авторитетным волеизъявлением благоразумного войска. (2) После убийства столь сурового государя войско поручило сенату избрание нового императора, не считая возможным поставить кого-либо из тех, кто убил столь хорошего государя. (3) Однако сенат передал это же поручение об избрании обратно войску, зная, что воины уже неохотно принимают тех императоров, которых избрал сенат. (4) Словом, это повторилось три раза, так что в течение шести месяцев Римский мир не имел императора, а судьи оставались те же, каких выбрал сенат или Аврелиан, только вместо Ареллия Фуска проконсулом Азии был назначен Фальтоний Проб.

XLI. (1) Приятно поместить здесь самое письмо, посланное войском сенату: «Счастливые и храбрые войска римскому сенату и народу. Наш император Аврелиан лишился жизни вследствие коварства одного человека и заблуждения хороших и дурных людей. (2) Причислите его к богам, безупречные и почтенные господа отцы сенаторы, и пришлите нам государя из вашей среды, но такого, кто по вашему суждению, является достойным. Ведь никому из тех, кто находился в заблуждении или совершил злодеяние, мы не позволим властвовать над нами». (3) Ответ был дан на основании сенатского постановления. Когда за два дня до февральских нон блистательный сенат собрался в Помпильевой курии, консул Аврелий Гордиан сказал: «Докладываем вам, отцы сенаторы, письмо от счастливейшего войска». (4) По прочтении письма сенатор Аврелий Тацит, имевший право первым высказывать свое мнение (после Аврелиана он был единогласно провозглашен императором), сказал так: (5) «Правильным и надлежащим, отцы сенаторы, было бы решение бессмертных богов, чтобы хорошие государя были неуязвимы для железа, — для того чтобы они могли проводить более долгую жизнь и чтобы те, кто в своих черных мыслях задумывает незаконные убийства, не могли каким-либо образом посягнуть на них. (6) Был бы тогда жив государь Аврелиан, храбрее и полезнее которого не было никого. (7) После несчастья Валериана, после бедствий от Галлиена наше государство впервые свободно вздохнуло в правление Клавдия и только в правление Аврелиана, одерживавшего победы во всем мире, оно было нам возвращено. (8) Он дал нам Галлии, он освободил Италию, он избавил винделиков от ига и рабства у варваров. Его победами восстановлен Иллирик, возвращены под власть римских законов Фракии. (9) Он вернул под нашу власть Восток, томившийся — о позор! — под гнетом женщины; персов, которые до того хвастались убийством Валериана, он разбил, обратил в бегство, сокрушил. (10) Сарацины, блемми, аксомиты, бактрийцы, серы, иберы, албанцы, армяне, даже индийские народы чтили его почти как воплощенного бога. (11) Дарами, которые он получил от варварских племен, полон Капитолий. Один храм, благодаря его щедрости, владеет пятнадцатью тысячами фунтов золота; все святилища в городе сияют благодаря его дарам. (12) Поэтому, отцы сенаторы, я готов судиться с самими бессмертными богами, которые допустили гибель такого государя, — если только они не предпочли иметь его при себе. (13) Итак, я предлагаю назначить ему божеские почести и думаю, что все вы сделаете то же самое. Избрание императора, я полагаю, следует поручить тому же войску. (14) В самом деле, если при решении вопросов такого рода не поступить так, как сказано, то возникнет и опасность для того, кто избран, и ненависть против того, кто избирал». (15) Мнение Тацита получило одобрение. Однако ввиду того, что к сенату снова и снова приходили послы, Тацит стал императором на основании сенатского постановления, о котором мы будем говорить в жизнеописании Тацита.

XLII. (1) Аврелиан оставил только одну дочь, потомки которой еще и теперь живут в Риме. (2) Тот Аврелиан, который был проконсулом Киликии, превосходный сенатор, человек действительно высоких нравов и почтенного образа жизни, живущий теперь в Сицилии, является его внуком. (3) Чем мне объяснить то, что хороших государей было так мало, хотя Цезарей было большое количество? В государственном списке содержится последовательный ряд порфиросцев, начиная с Августа и до государей Диоклетиана и Максимиана. (4) Среди них лучшими являются сам Август, Флавий Веспасиан, Флавий Тит, Кокцей Нерва, божественный Траян, божественный

Адриан, Антонин Пий и Марк, Север африканец, Александр, сын Маммеи, божественный Клавдий и божественный Аврелиан. Что же касается Валериана, то, хотя сам он и был превосходным, но его несчастливая судьба отгородила его от всех прочих. (5) Подумай, прошу тебя, как мало хороших государей, так что правильно сказал во времена этого Клавдия один мимический шут, что в одно кольцо можно вписать имена и сделать там изображения хороших государей. (6) Напротив того, как длинен ряд плохих императоров! Чтоб уж не говорить о Вителлиях, Калигулах и Неронах, — кто мог бы перенести Максиминов, Филиппов и всех прочих, эти подонки беспутной толпы! Правда, я должен сделать исключение для Дециев, образ жизни и смерть которых позволяют сравнивать их с древними.

XLIII. (1) Спрашивается, что делает государей дурными. Прежде всего, дружной, безнаказанность, затем обилие всяких средств; кроме того, бесчестные друзья, заслуживающие проклятия прислужники, алчные евнухи, глупые или презренные придворные и, чего нельзя отрицать, неосведомленность в государственных делах. (2) Я слышал от своего отца, что император Диоклетиан, став уже частным человеком, говорил, что нет ничего более трудного, чем быть хорошим императором. (3) Собираются четверо — пятеро человек, договариваются между собой обманывать императора и подсказывают ему, что он должен утвердить. (4) Император, запертый в своем доме, не знает истины. Он вынужден знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлекать. Но к чему много слов? Как говорил сам Диоклетиан, хорошего, осторожного, превосходного государя продают за деньги. (5) Это — слова Диоклетиана; я включил их в свой рассказ для того, чтобы твоя мудрость знала, что нет ничего более трудного, чем быть хорошим государем.

XLIV. (1) Правда, многие не причисляют Аврелиана ни к хорошим, ни к дурным государям, потому что ему недоставало милосердия, первого свойства императоров. (2) Префект претория Диоклетиана Веркониий Геренниан, по свидетельству Асклепиодота, часто говорил, что Диоклетиан, ужоря Максимиана за его свирепость, не раз повторял, что Аврелиану следовало бы скорее быть полководцем, нежели государем. Ему не нравилась его чрезмерная жестокость. (3) Может быть, кому-либо кажется удивительным то, что Асклепиодот, как передают, узнал от Диоклетиана и сообщил Цельзину, своему советнику; но об этом будут судить потомки. (4) Он утверждал, что Аврелиан обратился как-то к галльским друидессам с вопросом, останутся ли у власти его потомки. Те, по его словам, ответили, что в государстве не будет более славного имени, чем имя потомков Клавдия. (5) И уже есть император Констанций, человек той же крови, а его потомки, думается, достигнут той славы, какая была предсказана друидессами. Я включил это в жизнеописание Аврелиана потому, что такой ответ был дан самому Аврелиану на поставленный им вопрос.

XLV. (1) Аврелиан установил на вечные времена подать из Египта в пользу города Рима в виде стекла, бумаги, полотна, шеньки и других вывозных товаров. (2) Он готовился выстроить в Затибском районе Аврелиевы зимние термы, так как там не было достаточно холодной воды. В области Остии он начал строить у моря форум своего имени. Впоследствии здесь было выстроено государственное присутственное место. (3) Своих друзей он обогащал пристойным образом и умеренно, чтобы избавить их от лишений, связанных с бедностью, и для того, чтобы они — благодаря скромности своего состояния — избегли зависти, которую вызывает богатство. (4) Одежд из чистого шелка он и сам не имел в своем гардеробе и другим не давал для ношения. (5) Когда жена просила его позволить ей иметь один багряный греческий шелковый плащ, он ответил: «Да не будет того, чтобы нитки ценились на вес золота», — дело в том, что в это время фунт шелка стоил фунт золота.

XLVI. (1) Он намеревался запретить употребление золота для украшения сводчатых потолков, туник, кожаных изделий и для сплавки с серебром и говорил, что золота в природе больше, чем серебра, но золото бесполезно тратится на всякого рода блестящи, нити и плавку, серебро же употребляется в своем естественном виде. (2) Он же разрешил желающим пользоваться золотыми сосудами и бокалами. (3) Кроме того,

он позволил частным лицам иметь парадные колесницы, выложенные серебром, тогда как раньше были повозки, выложенные медью и слоновой костью. (4) Он же дал право матронам носить багряные туники и другие одежды, тогда как раньше они носили цветные и — самое большее — цвета опала. (5) Он же первый дал право рядовым воинам носить золотые застёжки, тогда как раньше они носили серебряные. (6) Он первый дал воинам одежды с цветными шелковыми полосами, тогда как прежде они получали одежды с прямыми пурпурными полосами; одним он дал одежды в одну полосу, другим — в две, в три, до пяти полос, подобно нынешним полотняным.

XLVII. (1) Из египетской подати он добавил одну унцию к хлебам, высекавшимся в городе Рима. Он сам хвалится этим в одном письме, написанном им префекту продовольственного снабжения Рима: (2) «Аврелиан Август префекту продовольственного снабжения Флавию Арабиану. Среди прочего, чем мы благодаря покровительству богов помогли Римскому государству, я больше всего горжусь тем, что увеличил все виды продовольственных пайков в городе на одну унцию. (3) Для того чтобы эта мера стала постоянной, я поставил в Египте новых нильских корабельщиков, а в Риме — речных, поднял берега Тибра, прокопал проход там, где дно поднялось, дал новые обеты богам и Долговечности, освятил кормилицу Цереру. (4) Теперь твое дело, милейший Арабиан, постараться, чтобы мои распоряжения не оказались тщетными. Ведь ничто не доставляет большей радости, чем сытость римского народа».

XLVIII. (1) Он решил производить и даровую раздачу вина римскому народу, чтобы наравне с даровым маслом, хлебом и свиной выдалось и вино; этой мере, которая должна была стать постоянной, он придал следующий вид. (2) В Этрурии по Аппиевой дороге, вплоть до приморских Альп, тянутся на огромном пространстве плодородные и покрытые лесами земли. Он решил отдавать хозяевам даром столько необработанной земли, сколько они захотят, и, поселив там рабов из числа пленных, засадить горы виноградными лозами, а получаемое отсюда вино раздавать, так чтобы императорская казна не получала отсюда никакого дохода, но отдавала все вино в распоряжение римского народа. Был уже произведен расчет количества единиц меры, бочек, кораблей, рабочих рук. (3) Многие, однако, говорят, что Аврелиану отсоветовали делать это, а по словам других — этому воспротивился префект претория, который, как говорят, заметил ему: «Если мы даем римскому народу и вино, то остается только раздавать ему цыплят и гусей». (4) Доказательством того, что Аврелиан действительно думал об этом, даже решил осуществить это и частично привел в исполнение, — служит то, что в портиках храма Солнца помещается казенное вино, отпускаемое народу не даром, а за деньги. (5) Следует, однако, знать, что Аврелиан три раза производил раздачу, подарил римскому народу также белые туники с длинными рукавами, привезенные из разных провинций, а также чистольняные африканские и египетские; он же первый подарил римскому народу платки для того, чтобы народ пользовался ими для выражения своего расположения.

XLIX. (1) Бывая в Риме, он не любил жить в Палатинском дворце и предпочитал проживать в садах Саллюстия или Доминии. (2) В садах Саллюстия он отделал портик в тысячу шагов длиной и, ежедневно упражняясь в нем, утомлял и себя, и своих коней, даже когда был не совсем здоров. (3) Своих провинившихся рабов и служителей он приказывал сечь в своем присутствии, по словам многих — ради соблюдения строгости, по словам других — из жестокости. (4) Свою служанку, которая вступила в любовную связь со своим сотоварищем — рабом, он наказал смертью. (5) Многие из своих собственных рабов он за провинности передавал в общие суды, чтобы с ними поступили по закону. (6) Он хотел вернуть матронам их сенат, или сенаткул, — с тем, чтобы там первыми были те, кого сенат удостоил жреческого сана. (7) Он запретил всем мужчинам носить красные, желтые, белые, зеленые башмаки, а женщинам разрешил. Он позволил сенаторам одевать своих скороходов в такую же одежду, какую носили его собственные скороходы. (8) Он запретил держать свободнорожденных наложниц. Он установил определенное число евнухов, которых мог иметь в услужении сенатор в соответствии со своим положением, потому что цена на них дошла до невероятных размеров. (9) Его серебряные сосуды никогда не весили больше тридцати фунтов.

Стол его состоял главным образом из жареного мяса. Особенно любил он крепкое вино.

Л. (1) Когда он болел, то никогда не звал к себе врачей, но сам лечил себя голодом. (2) Для своей жены и дочери он установил, словно частный человек, ежегодный праздник сигилларий. (3) Когда он был уже императором, то своим рабам он давал такую же одежду, какую они носили в то время, когда он был частным человеком, — за исключением двух стариков, которым он оказывал очень большое уважение, считая их как бы своими вольноотпущенниками; это были Антистий и Гиллон, которые после его смерти были отпущены на волю по постановлению сената. (4) Он редко позволял себе развлекаться, но необыкновенно любил мимы; особенное удовольствие доставлял ему обжора, который поедал так много, что однажды съел перед его столом целого кабана, сто хлебов, барана и поросенка и выпил, вставив себе воронку, больше кадки. (5) Если не считать некоторых мятежей внутри государства, то время Аврелиана было очень счастливым. Римский народ любил его, а сенат — сверх того — и боялся.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА